

Пять лет после "Руслана"

Пять лет назад тихим морозным субботним днем на жилой массив в Иркутске II упал "Руслан" – самый большой самолет в мире. По официальным данным, погибло 72 человека, хотя до сих пор некоторые источники называют другие цифры.

Мы скорбим по ним – невинным людям, заживо похороненным под рухнувшим самолетом или погибшим потом в больницах. За день до этой горькой даты, мы навестили тех, кто остался жив, но события пятилетней давности оставили глубокую борозду в их сердце.

Мальчик из детдома выжил в катастрофе
Но был убит из-за куртки, купленной на компенсацию

Воспитанники иркутского детского дома N 1, которые во время падения военно-транспортного самолета "Руслан" находились в своих группах, получили компенсации – в начале 1998 года по 1600–1700 рублей. Однако мало кому она пошла на пользу.

Буквально через несколько месяцев был злополучный август 98-го, дефолт, и деньги, хранившиеся на сберкнижках, обесценились. Помимо этих компенсаций у некоторых там лежали пенсии по потере кормильца, алименты...

Своими средствами детдомовцы имеют право распоряжаться только с 18 лет. К этому времени в связи с инфляцией и прочими "подарками" российской экономики денежные вклады становятся смехотворными. Эти накопления выпускники детдомов могут спустить за пару дней. Поэтому даже в 20 лет они получают свои деньги лишь с особого разрешения.

– Если не держать это дело под контролем, они промотают все до копейки, – говорит Галина Крюкова, директор детского дома N 1. – У кого есть пенсия, до десяти тысяч и больше на книжке накапливается. А они все спустят, и что потом? Мы даже после выпуска думаем о наших детях, следим за их судьбой. И у нас есть договоренность со Сбербанком, чтобы им и после 18 лет деньги выдавали только с нашего разрешения. А уходят они от нас и после девятого класса – в 15 лет. Перед выпуском мы их полностью обеспечиваем одеждой и всем необходимым и, если есть разрешение органов опеки, позволяем им снять с книжки немного денег.

Настя, выпускница детского дома:

– Когда самолет упал, меня в доме не было. Суббота же, многие расходятся – кто по кружкам, кто по родственникам. А компенсацию давали только тем, кто в этот момент в группах находился. Вот братик у меня там был, он получил. После выпуска он снял деньги и куртку себе купил. Из-за нее его и убили, сняли куртку.

Наташа, выпускница детского дома:

– Я в этот день собиралась уходить к сестре. Стояла перед зеркалом, шапку надевала. Тут стекла стали вылетать, я побежала. Но меня вернули, и потом воспитатели всех стали на улицу выводить. Хорошо, я одетая была, а другие... Кто из ванны вышел, кто в футболках, кто в халатах. Мы побежали в ближайшие дома и стали в квартиры стучаться, чтобы нас пустили – холодно все-таки. Но нас никто не пускал, все закрылись и только в окна выглядывали. Потом плотник наш, который поблизости жил, почти всех к себе в квартиру взял, сколько влезло. Не помню, какое время мы там просидели. Долго. Потом автобусы пришли, нас увезли в 13-й интернат. Из гуманитарной помощи я себе штаны да кофту взяла. Кофту до сих пор дома ношу. Сколько мне денег на книжку положили, я даже не знаю. Там еще пенсия, алименты. Снимаю понемногу, одежду покупаю. Да мне, честно говоря, по барабану, какую компенсацию дали, детский дом же не виноват, что это все произошло.

Галина Крюкова, директор детского дома:

– Если бы я эти деньги не выходила, дети бы вообще ничего не получили. Большие компенсации давали людям, которые в разрушенном доме были прописаны. А дети – они на государственном обеспечении, кто бы стал им ущерб возмещать? Нас с этими деньгами уже КРУ два раза проверяло, прокуратура... Они лежат на книжках у детей. Другое дело, что их мало. Но это не наша вина.

Бывшие жильцы дома на Гражданской будут печь блины и варить кисель

35 лет прожила Вера Тимофеева в доме на Гражданской, 45. 13 лет назад 6 декабря у нее умерла мать. Утром 6 декабря 1997 года Вера Андреевна, помянув маму, собиралась на работу.

– Помню, я спускаюсь по лестнице, а в подъезде – такая тишина. Теперь мне кажется, что даже воздух в тот день напряженно ждал падения "Руслана". Я спустилась по лестнице и только подняла ногу, чтобы перешагнуть через порог, как на меня хлынул огонь. Боли не было. Мысли в голове текли четко. Главное, думаю, пройти через огненный коридор, и ни на мгновение я не позволяла себе думать, что если еще раз меня снесет потоком горячего воздуха, я больше не встану. Когда кончились силы, поползла... Выйдя из огня, поняла, что ничего не вижу, мир разделился на два цвета: красный, тот, который я видела в пекле, и белый. Спустя какое-то время зрение ко мне вернулось. Смотрю, а на мне дубленка скукоженная и шапки нет. Рядом стоящая девушка кричит: "Вам в больницу срочно надо! Вы вся обожжена!" Зачем, думаю, в больницу, мне же на работу надо, только шапку нужно у кого-нибудь попросить и шубу найти.

Вера Андреевна была первой пострадавшей в машине скорой помощи. Ожог второй, третьей степени. Нет ни волос, ни ресниц, обожжены руки.

– Больница, куда меня привезли, к приему пострадавших не была готова. Привезли меня и спрашивают: "Знаешь, где находится травмпункт?" Я говорю: "Знаю". – "Вот туда и идите". Я по морозу без шапки, с ожогами от больницы пошла в травмпункт. Там мне обработали раны, перебинтовали всю голову и отправили домой... Вышла, стою, думаю, а куда же я теперь пойду? С еще мокрыми бинтами на голове, с обмотанным лицом, так, что видно только глаза, постучалась в двери к знакомым, попросила шапку и пошла. Всю дорогу готовила себя к мысли, что моего дома на том месте уже, возможно, нет. Но разве можно к такому подготовиться. Если бы не поддержка родственников и друзей, которые, узнав о трагедии, мчались ко мне на помощь со всех концов земного шара, я не знаю, как пережила бы эти минуты.

Потом врачи, конечно, узнали, какая страшная трагедия произошла и в каком состоянии они отпустили самую первую пациентку. И когда Тимофеева снова пришла в больницу, ее встретили словами: "Как же мы вас отпустили?" И тут же положили в ожоговый центр. Полгода потребовалось на то, чтобы восстановить кожу лица и рук, волосы не росли еще долго.

– Пройдя курс лечения, старалась не думать о том, что я теперь без квартиры, одежды, что все мне придется начать с нуля. Чтобы элементарно не сойти с ума, сразу, еще лысая вернулась к работе. Я и по сей день работаю воспитателем в доме ребенка. Когда захожу к детям в группу, понимаю, что им нужны моя забота, мое тепло, и уже ради этого стоит бороться за жизнь, – говорит Вера Андреевна. – Главное, поняла: надо, чтобы за душой что-то было, а что там в квартире и есть ли она вообще – уже не так важно.

Первое время пострадавшие ютились по общежитиям Иркутска, а 19 мая им вручили ключи от новых квартир. В дом на Почтамтской Вера Андреевна въезжала с телевизором, который успела купить, и матрасом, который ей тогда дал Красный Крест. Больше у нее ничего не было.

– Матрас у меня теперь лежит как воспоминание о пройденном и пережитом. Хотя первое время я на него смотреть не могла, хотела выбросить.

Кроме квартир пострадавшие получили компенсацию в размере 50 тысяч рублей, деньги Вера Андреевна сразу потратила на мебель и одежду.

Увидев в новом доме своих старых соседей, Вера Тимофеева обрадовалась. После такого горя они стали еще сплоченней и дружнее. Но одной соседки, сгоревшей вместе с дочерью, ей по сей день не хватает.

– До сих пор вижу сны, как будто я живу в доме, которого уже нет, пью с погибшей соседкой чай. Просыпаюсь ночью и плачу. Успокаиваю себя тем, что жизнь на этом не кончилась, что если я осталась жива, значит, это кому-то нужно, значит, я еще должна многое сделать, – говорит Вера Тимофеева.

Еще долгое время после катастрофы жильцы дома на Почтамтской рассказывали друг другу о судьбах своих соседей. Плакали вместе, утешали потерявших своих близких и родственников.

– Мои знакомые сгорели всей семьей, а сосед, работавший тогда пожарником и тушивший наш дом, сам обнаружил тело своего младшего брата... – На глазах Веры Андреевны блещут слезы. – Да что говорить, все столько натерпелось, легко никому не было. Даже спустя пять лет шок, боль и утрата не проходят, мы привыкли жить с ними.

После этого случая Тимофеева стала верить в судьбу, хотя до происшедшего считала, что это все бредни и выдумки.

– Судьба, конечно, есть... Задержись я на секунду в квартире – и все... – говорит Вера Андреевна.

Каждый год 6 декабря жильцы бывшего дома 45 на Гражданской собираются в храме Рождества Христова, чтобы помолиться, поставить свечки за упокой души тех, чьи жизни унес "Руслан". По словам Веры Андреевны, все оставшиеся в живых испекут дома блинов, сварят кисель и помянут умерших.

Ксения Потапова.

Автор: Артур Скальский © Номер один ОБЩЕСТВО, ИРКУТСК 👁 3189 09.12.2002, 00:00 📌 211

URL: <https://babr24.com/?ADE=4960> Bytes: 8691 / 8639 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)